

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

П. Кайзер

«Гром аплодисментов. Все встают»: специфика культа личности в 1930-е годы на примере генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева

Описывая условия возникновения культа личности в послереволюционном советском обществе, английский историк Е. А. Риз пришел к выводу, что в основе этого феномена лежали не только свойственные российской крестьянской ментальности традиции авторитарно-самодержавного восприятия государственных руководителей как высшего воплощения с детства знакомого патриархального образа жизни, но и особые факторы, присущие большевистской идеологии. Не имея возможности опираться на дореволюционные традиции, тесно связанные с монархической формой правления и разрушенные в годы Гражданской войны, а также учитывая отсутствие легитимной преемственности власти, большевики сделали ставку на внедрение в сознание людей идеи идентичности собственных целей с желаниями «простого народа» и закономерности подчинения этого народа «пролетарско-крестьянской власти». Чтобы ускорить данный процесс, официальная сталинская идеология приложила немало усилий для слияния харизмы должности с харизмой занимающего ее человека. В такой ситуации культ новых лидеров стал индикатором определенной эволюции политической системы, не только указывавшим на степень персонализации власти на конкретном этапе государственного развития, но и позволявшим выяснить

Кайзер Петер
PhD, Университет
Фрайбурга
(Фрайбург,
Германия)

уровень контроля системы над отдельными процессами общественной жизни (например, появление возможности критики недостатков и ответственных за них или, наоборот, отсутствие подобной возможности)¹. Таким образом, рассматривая культ личности в СССР в 1930-е гг., мы можем проследить процесс воздействия идеологии на народные массы, обратившись к укоренившимся восприятиям действительности, и, более того, лучше понять механизмы взаимодействия государства с обществом, совершенно справедливо названные Яном Плампером «алхимией власти»².

Сам по себе феномен культа личности в СССР в 1930-е гг. не был ограничен возвеличиванием и обожествлением фигуры И. В. Сталина, хотя он по понятным причинам находился в самом центре этого процесса³. Культ Сталина был только вершиной айсберга. Практически все руководители высшего и среднего звена и даже директора отдельных больших заводов старались укоренить в массах свой имидж «горячо любимых» руководителей, поощряя создание «культов местного масштаба», копируя при этом элементы восхваления «великого вождя»⁴. К числу этих функционеров сталинской системы, в честь которых называли площади, города, заводы и фабрики, чьи портреты по праздникам носили по улицам и чьи «избранные произведения» публиковались миллионными тиражами, чтобы затем быть зачитанными с восторженными интонациями в голосе с бесчисленных трибун гигантской страны, принадлежал и генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев⁵. По меткому замечанию историка Г. Кённена ситуация, царившая на «сталинском политическом Олимпе», имела большое сходство с античной мифологией: как там каждому божеству приписывались определенные функции с соответствующими атрибутами, так и каждый из соратников Сталина олицетворял определенные черты его режима⁶. Их культы быстро слились в единое целое с культами возглавлявшихся ими наркоматов и организаций; это привело к тому, что, прославляя победоносную Красную армию, заодно восхваляли и К. Е. Ворошилова, ставшего синонимом всех достижений вооруженных сил Страны Советов. Как А. И. Микоян, бывший на протяжении почти двух десятков лет наркомом (министром) пищевой промышленности и торговли, почти автоматически взял на себя роль ответственного за повышение жизненного уровня советских потребителей, а А. М. Горький стал основателем социалистического реализма, так и А. В. Косарев получил устойчивое место на сталинском «небосводе» 1930-х гг. — он стал «комсомольцем № 1», воплощением юношеского энтузиазма и энергии, а для своих подчиненных в ВЛКСМ еще и «вожаком», обладавшим незыблемым авторитетом и всеми прочими качествами «маленького Сталина»⁷.

Не стоит забывать, что Косарев был далеко не первым лидером комсомола, чья популярность выражалась в прославлении его личности. Так в честь П. И. Смородина, возглавлявшего Союз молодежи с апреля 1922 по июль 1924 г., был назван скорый поезд, курсировавший по линии Москва — Воронеж, а известный тогда комсомольский поэт А. Безыменский опубликовал весной 1923 г. в «Правде» поэму «Петр Смородин», в которой можно было прочесть: «В звуке имени: Петр Смородин // Только гимн комсомольской весне // И стальной большевистской породе»⁸. Однако эти и похожие высказывания были все же

исключением из правил; они не шли ни в какое сравнение с культом, возникшим в 1930-е гг. вокруг имени Косарева.

Точная дата начала систематического восхваления А. В. Косарева нам неизвестна; скорее всего, ее, в отличие от культа Сталина, впервые широко проявившегося в канун празднования его пятидесятилетия в декабре 1929 г., и не было. Такой феномен социально-политической жизни общества, как восхваление якобы выдающихся заслуг определенного лица, состоит из множества наслоений, нарастающих постепенно и образующих в итоге плотную гомогенную массу. Чаще всего наиболее заметной для стороннего наблюдателя является именно последняя фаза образования культа, характеризующаяся восторженными статьями, поэмами, криками «Ура!», сервильным преклонением, вычурными и помпезными эпитетами и огромными портретами «любимого руководителя», висящими в кабинетах и носимыми с показным восторгом «благодарными трудящимися» на демонстрациях. Процессы, протекавшие подспудно и заложившие фундамент эйфоричного почитания, нередко остаются скрытыми от глаза историка. Похожую ситуацию мы наблюдаем и в случае с культом Косарева. Возникнув постепенно в недрах комсомола под воздействием целого ряда внешних факторов (таких как центральная роль комсомола в первой пятилетке и коллективизации сельского хозяйства и последовавшее за ней увеличение влияния генсека ВЛКСМ внутри партийно-государственного истеблишмента⁹), он охватил сначала его ближайшее окружение, затем перекинулся на местные организации, где комсомольские работники поспешили дать понять, что сигнал ими понят в правильном духе, и в итоге достиг и других, официально не подчиненных комсомолу организаций. Так, с 8 августа по 2 сентября 1934 г. прошла организованная по инициативе Всесоюзного совета физической культуры грандиозная «водная эстафета имени т. Косарева», в которой участвовало 1670 чел., прошедших в общей сложности 25 тыс. км по 42 маршрутам¹⁰.

По инициативе «с мест» в 1932 г. именем Косарева была названа новая золотодобывающая шахта в Якутии. Посетивший ее в марте 1935 г. корреспондент «Комсомольской правды» писал: «Якутия послала сюда лучших своих комсомольцев. Здесь было поднято движение Изотовых Алдана¹¹. И шахта вышла на первое место в Союзе, получив первую премию на всесоюзном конкурсе предприятий золотопромышленности». Вполне понятно, что успехи шахты, работники которой именовали друг друга не иначе как «косаревцы», вызвали интерес и самого «тов. Косарева», призывавшего ее руководство в своих телеграммах «удвоить и утроить темпы». В ответ на успехи шахты своего имени комсомольский генсек, судя по всему, не скупился на премии и подарки. Корреспондент «Комсомолки» не преминул отметить хорошие условия, в которых жили горняки, имевшие в своем распоряжении не только «светлые комнаты», карманные часы и личный телефон, как ударник Симон Васильев, но и библиотеку, и даже звуковое кино¹².

Все чаще появление генсека комсомола на собраниях и конференциях встречалось «бурными и продолжительными» аплодисментами, о чем немедленно сообщалось в прессе. Так, публикуя текст речи Косарева на Всесоюзном совещании редакторов комсомольских газет 17 октября 1934 г., журнал

«Известия ЦК ВЛКСМ» оповещал своих читателей о бурной овации, которой было встречено его появление на трибуне, а в конце отчета о выступлении шефа комсомола на совещании передовиков урожайности тот же журнал не забыл упомянуть о криках «Ура!», которыми присутствующие сопровождали его речь¹³. Косарев внимательно следил за тем, чтобы его имя в первую очередь связывалось с победами и достижениями. Когда комсомол перенял по поручению партийного руководства шефство над развитием советской авиации, его основной задачей стало создание себе имиджа главного покровителя необычайно популярных в те годы летчиков¹⁴. Как вспоминал известный советский летчик Н. П. Каманин, Косарев проявлял «кипучую энергию» в своей деятельности «шефа» авиации, состоявшую не только в посещении вместе с другими секретарями ЦК ВЛКСМ аэродромов, клубов, частей и авиационных заводов, но и в личном изучении и освоении авиационной техники. Именно по инициативе своего энергичного генсека, увидевшего в успешном развитии советской авиации под шефством комсомола отличный повод продемонстрировать Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталину свои организаторские качества и зарекомендовать себя способным управленцем, бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановления о создании при ЦК группы по обучению летчиков и летной группы из работников ЦК¹⁵. Партийное руководство было более чем довольное деятельностью Косарева: приказом Реввоенсовета СССР от 5 марта 1934 г. пятой эскадрильи ВВС было присвоено имя А. В. Косарева¹⁶, а годом позже Центральный аэроклуб СССР, основанный в Тушино, также получил его имя¹⁷.

Абсолютного апогея культ Косарева достиг в 1936 г., когда в Москве, в Большом театре, в торжественной обстановке прошел X съезд комсомола. За десять дней съезда имя Косарева было упомянуто в речах делегатов и гостей, без учета восторженных выкриков с мест, невероятные 200 раз (чаще упоминалось лишь имя Сталина — 540 раз)¹⁸. Для иллюстрации приведем следующие примеры. Секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ И. Вайшля назвал в своем выступлении отчетный доклад ЦК комсомола, зачитанный Косаревым, «замечательным», несколько раз подчеркнул положительную роль указаний из Москвы для «воспитания ленинградского актива» и, покритиковав для вида некоторые «все еще существующие в комсомоле недостатки», пришел к следующему выводу: «Во всей огромной работе, проделанной ЦК [наибольшие заслуги выпадают на долю] достойного, боевого и энергичного вожака советской молодежи, чье имя является широко популярным... Я имею в виду тов. Косарева». Это упоминание имени комсомольского руководителя вызвало в зале настоящую эмоциональную бурю. Стенограмма съезда зафиксировала: «Бурные аплодисменты. Все делегаты встают и приветствуют тов. Косарева. Возгласы: “Боевому руководителю комсомола ура!” Бурные аплодисменты»¹⁹. Секретарь Московского комсомола С. Д. Ильинский на заданный им риторический вопрос: «Чем является доклад т. Косарева для нашего союза?», сам же поспешил ответить: «Этот доклад по сути дела является развернутой сталинской программой нашей работы по коммунистическому воспитанию молодежи и детей»²⁰. Постоянно повторяемые стандартизированно-штампованные формулировки представителей центрально-русских областей страны, восхищавшихся на все

лады отчетным докладом Косарева и призывавших аудиторию учиться у него большевизму, блекли перед славословием представителей комсомольских организаций кавказско-среднеазиатской периферии. По словам секретаря комсомола Грузии А. Мгеладзе, «блестящий доклад т. Косарева» должен был стать ни много ни мало «настойной книгой каждого комсомольца и каждого молодого человека нашей страны»²¹, а первый секретарь казахстанского комсомола К. Таштитов пришел к выводу, что «доклад т. Косарева является важнейшим политическим документом, изучение и практическое осуществление которого должны лечь в основу всей работы комсомольских организаций Советского Союза»²². Свою лепту в бесконечные восхваления «верного ученика Сталина» вносили и «гости съезда». Так, знаменитый советский футболист Н. Старостин, возглавлявший делегацию физкультурников, назвал Косарева «старшим капитаном советского футбола» и «лучшим снайпером советской молодежи», подарив ему под гром аплодисментов присутствующих от имени «мастеров спорта московского общества Спартак» охотничье ружье и выразив уверенность, что «ни одна дробишка из выпущенного т. Косаревым заряда не минует цели!»²³

Вскоре после окончания X съезда, развитие культа Косарева вступило в следующую стадию: по «многочисленным ходатайствам общественных организаций» в честь «лучшего снайпера советской молодежи» были названы мясокомбинат г. Фрунзе и Дружковский болтовой завод (Донецкая область)²⁴. И хотя по сравнению с тем потоком торжественных присвоений их имен всевозможным населенным пунктам, фабрикам и улицам, который буквально обрушился с начала 1930-х гг. на членов Политбюро и некоторых руководителей советских республик²⁵, соответствующие почести, выпавшие на долю Косарева, кажутся довольно-таки скромными; не стоит забывать, что он был единственным руководителем комсомола за всю его историю, именем которого при жизни назывались фабрики, заводы или аэроклубы.

Создание целого ряда культов больших и малых вождей находилось под неусыпным контролем Сталина. Поначалу он не только не противился восхвалению своих «боевых соратников», но и активно участвовал в этом, прекрасно понимая, что таким образом он приобретал верных союзников при закладке фундамента своего собственного культа²⁶. В результате возникла реципрокная зависимость вождя и его окружения. Сторонники Сталина нуждались в его прославлении, чтобы в тени «большого культа» воздвигнуть свои культы размером поменьше²⁷, в то время как Сталин поощрял их в этом, чтобы с их согласия и при их поддержке заполучить единоличную власть в свои руки, прикрываясь решениями ЦК как ширмой, обязанной скрыть от масс его диктаторские замыслы. Чтобы не вступать в открытое противоречие с официальными постулатами марксизма-ленинизма, провозглашавшими личную скромность одной из главных большевистских добродетелей (как на идеальный пример этой скромности обычно ссылались на В. И. Ленина) и требовавшими от «настоящего коммуниста» активной борьбы с самовлюбленностью и подхалимством, было принято указывать на то, что восхваления адресуются не какой-то отдельной персоне, а партии и возглавляемым ей рабоче-крестьянским массам,

т. е. советскому народу. Однако в глазах многих современников этот аргумент был ничего не значащими, пустыми фразами. «Работники разных аппаратов стали говорить о Сталине — “хозяин”. Им нравилось, щекотало мещанское самолюбие, когда их самих в их вотчине тоже величали: “хозяин”, “так велел хозяин”»²⁸. Эта характеристика нравов эпохи 1930-х гг., данная А. И. Мильчаковым, бывшим предшественником Косарева на посту генерального секретаря комсомола, очень точно характеризует менталитет целого ряда советских руководителей, к числу которых можно отнести и А. В. Косарева.

Сам «боевой руководитель комсомола» воспринимал восхваления как должное и был далек от хваленой «большевистской скромности», о чем свидетельствует следующий эпизод, рассказанный редактором «Комсомольской правды» и преемником Косарева на посту руководителя ВЛКСМ Н. А. Михайловым на VII пленуме ЦК комсомола в ноябре 1938 г. По его словам, Косарев позвонил однажды в редакцию «Комсомолки» и в открытой форме выразил свое недовольство тем, что на фотографии советского руководства, стоявшего на трибуне ленинского мавзолея, опубликованной в газете, отсутствовало его изображение. Чтобы смягчить раздражение шефа, Михайлов сослался на плохое качество снимков, не позволивших запечатлеть его присутствие на мавзолее²⁹. Наверняка большее удовольствие у Косарева вызвала статья А. Лазебникова, опубликованная в «Комсомольской правде» в 1937 г. в День советской армии, в которой автор, буквально захлебываясь от восторга, описывал новый танк, названный по инициативе командования одной из частей Белорусского военного округа «Косаревым» и, разумеется, возглавивший парад танковых частей 7 ноября³⁰.

Шеф комсомола не только следил за «правильным» развитием своего культа, но и прилагал массу усилий, чтобы не допустить возникновения в комсомоле практик, способных вступить в нежелательную конкуренцию с восхвалением его персоны. Так, на пленуме ЦК ВЛКСМ в июне 1935 г. он осудил становившееся традицией зачитывание на комсомольских собраниях приветствий и направление торжественных телеграмм: «Это уже до ячейки дошло: “дорогому секретарю райкома”. Вот до чего дело дошло. “Под вашим руководством” и т. д. Аплодисментами встречают»³¹. Годом позже, в заключительном слове на X съезде комсомола, он повторил свою критику «культа личности» районного масштаба: «Элементы своеобразной аллилуйщины у нас налицо. В каждой местной организации найдутся такие услужливые ораторы, которые дело, работу, необходимую критику так и норовят подменить чествованием, иногда незаслуженным, своих комсомольских руководителей, восхвалением их доблестей и заслуг». Не забыв упомянуть, что «успехи комсомола есть результат партийного воспитания нашего актива», Косарев призвал всех комсомольцев на одной шестой части суши: «[Поддерживайте] свое руководство так, как мы вас поддерживаем, т. е. острой большевистской критикой»³². И хотя присутствовавшие в зале встретили этот призыв генсека смехом, аплодисментами и криками «Правильно!», они не особенно торопились воплотить его в жизнь. По прибытии в свои комитеты они постарались забыть критику центра и требования высказывать в адрес местного руководства «острую большевистскую

критику», продолжив привычные практики, все чаще принимавшие гротескные формы.

Так, группа комсомольцев из Мурманска, написав письмо в местный окружком с просьбой послать их на учебу, адресовала письмо «дорогим вождям Мурманского комсомола», а один из комсомольцев, отдыхая в санатории, прислал письмо на имя секретаря Окуловского райкома ВЛКСМ Ленинградской области Дмитриева, в котором он благодарил «тов. Сталина и тов. Дмитриева за счастливую и радостную жизнь»³³. Секретарь обкома комсомола Сталинграда Гольдман, собираясь проехать по призывным пунктам города, настоял на том, чтобы его сопровождали фотограф и корреспондент местной комсомольской газеты. Появления Гольдмана на местных конференциях обычно сопровождалось «громом аплодисментов», воспринимавшихся им как «выражение доверия и преданности руководству»³⁴.

Особенно старались комсомольские функционеры восточных окраин СССР. В Грузии только в одном Махарадзевском районе (юго-запад республики) пять пионерских отрядов были названы в честь первого секретаря грузинского комсомола А. Мгеладзе, причем члены этих пионерских отрядов специально изучали биографию Мгеладзе, за что благодарный секретарь вручил лучшему отряду премию³⁵. В декабре 1936 г. на Шемахинской райконференции казахстанского комсомола пионеры под аплодисменты присутствовавших преподнесли секретарю горкома Пустыльникову цветы, а тот, явно подражая высшему руководству страны, обнял одну из пионерок. На Уральской городской конференции (Западный Казахстан) пионеры преподнесли секретарю обкома комсомола Нуралину его портрет, ими же и нарисованный, а секретарь одного из райкомов ВЛКСМ Актюбинской области Исмагулов, судя по всему, не полагаясь на «правильную реакцию» слушателей, указал при составлении тезисов своего доклада на пленуме горкома, в каком месте должны быть просто «аплодисменты», а в каком месте «бурные аплодисменты»³⁶. Сменивший Нуралина на должности первого секретаря Западно-Казахстанского обкома ВЛКСМ Кожаметов потребовал вывесить свои портреты в гидротехникуме и фельдшерской школе г. Уральска³⁷. Учитывая эти восхваления местных руководителей, стоит ли удивляться тому, что глорификация первого секретаря Казахстанского комсомола, уже упомянутого К. Таштитова, на порядок превосходила славословия, выпавшие на долю его подчиненных. В его честь назывались стройбригады и пионерские отряды³⁸, а некоторые активисты из его ближайшего окружения именовали своего «шефа» не иначе как «Косарев в Казахстане»³⁹. Такое сравнение явно льстило подчиненному, однако могло вызвать лишь раздражение в ЦК, что очень скоро почувствовали и в далекой Алма-Ате.

В начале 1937 г. Косарев взялся за дело борьбы с подхалимством более жестко и решительно. В передовой, опубликованной в «Комсомольской правде» 14 февраля 1937 г. (как всегда, без подписи, что подчеркивало ее официальный характер), именно К. Таштитов обвинялся в «потере скромности». То, что это обвинение могло иметь для обвиненного самые печальные последствия, стало особенно ясно после намеков на «руку врага», использующего подхалимство для маскировки своих «враждебных вылазок»: «Лесть обволакивает активиста,

славословия его усыпляют, и вот уже в мутной водиче начинают, как это было в частности в азово-черноморской организации, орудовать враги партии». С учетом печальной судьбы Азово-Черноморского крайкома комсомола, чей первый секретарь К. Ерофицкий и большая часть актива были арестованы в конце 1936 — начале 1937 г.⁴⁰, такие «указания» принимали зловещий характер. Интересно и то, что передовая важнейшей молодежной газеты страны, провозглашавшей своей главной целью борьбу с лестью и угодничеством, ссылаясь для обоснования правильности этой борьбы именно на высказывания Косарева по данной тематике, что не только в очередной раз подчеркивало его особое положение в комсомоле, но и копировало пропагандистско-журналистский стиль «Правды», в редакционных передовицах которой цитирование «мудрых» сталинских указаний было нормой.

В фокусе критики оказался именно казахстанский комсомол, и это далеко не случайно. Дело было не только в действиях Таштитова и других функционеров тамошнего союза молодежи, переступивших грань дозволенного в самовосхвалениях. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. именно первый секретарь ЦК КП (б) Казахстана Л. И. Мирзоян был подвергнут жесткой критике за практиковавшийся им в республике культ личности, достигший небывалого размаха для руководителя такого уровня⁴¹. Позиции Мирзояна, вызвавшего сильное неудовольствие Сталина не только насаждаемым им неумеренным культом своей личности, но и неправильной, с точки зрения вождя, кадровой политикой, внутри партийного аппарата были серьезно подорваны, что не позволяло ему вступиться за руководителей комсомола республики в случае их конфликта с московским ЦК. В связи с этим комсомольский генсек, внимательно следивший за направлением «политического ветра», мог не бояться возможных негативных последствий для себя и смело ругать «зарвавшихся» казахстанских комсомольских функционеров, прекрасно понимая, что его критика вполне соответствовала официальной линии и, таким образом, была очередным проявлением правильно понятой «большевистской бдительности».

Раздражение Косарева вызывали не только те ситуации, в которых местные комсомольские руководители позволяли восхвалять себя и преподносить себе по любому поводу цветы и подарки, но и те, в которых они старались играть роль «благодетелей» своих организаций. «Секретарь ЦК комсомола Армении т. Шахбатян так увлекся строительством дворца пионеров и детской железной дороги в Ереване, что больше напоминает неудачливого прораба, чем организатора пропагандистской работы», — возмущалась редакционная статья «Комсомолки», усмотревшая «в неумеренном пристрастии т. Шахбатяна к хозяйственным делам» не «большевистскую деловитость», а «худший вид делячества». Вместо того, чтобы «вести пропагандистскую работу» и организовывать политзанятия, Шахбатян полностью окупился в заботы по доставке «какими-то путями» для строительства престижных объектов дефицитных стройматериалов, цемента, гвоздей, шурупов и т. д., чем он, по мнению ЦК комсомола показывал «плохой пример всем комсомольским работникам Армении»⁴². Основное прегрешение Шахбатяна в глазах Косарева состояло в том, что он слишком открыто перенимал на себя роль «мецената» и «покровителя»

руководимой им организации, отодвигая своей чрезмерной активностью ЦК комсомола и его генерального секретаря на второй план, в то время как для последнего именно контроль над раздачей привилегий и льгот являлся одним из центральных инструментов руководства комсомолом⁴³.

Еще в речи на X съезде ВЛКСМ Косарев призвал секретарей местных организаций знать свое место и не стараться произносить речи «о чем ему (т. е. комсомольскому активисту. — П. К.) взгрустнется». «Такой активист чрезмерно любит печатать свои речи то ли в районной, то ли в областной газете», — саркастично заявлял он. — «Слушать и читать его речи труд явно непосильный, напряженный и в высшей степени бесплодный». В комсомоле появился целый ряд «активных работников», «фыркающих» на всех и от всех чего-то требующих. «Он, этот досужий активист, полагает, что всякий его жест есть глубокомысленный вывод или нечто вроде руководящего указания. (Смех). Он любит, чтобы комсомольцы перед ним ходили “в струне”. Он убежден, что все хорошее в организации излучается от его светлого ума или же обязательно является результатом его “твердого руководства”. Мыслит он резолюциями и говорит ими»⁴⁴.

Прекрасно понимая, что комсомольские функционеры на местах в своем поведении просто копировали его стиль, он яростно клеймил «досужих активистов», забывающих, что настоящим руководителем и организатором молодежи может быть лишь тот, кто больше знает, лучше работает, является чутким человеком, внимательно прислушивающимся к «запросам и нуждам молодежи»⁴⁵. Именно таким организатором и руководителем и видел себя Косарев, считавший, что он один в комсомоле в состоянии понять советскую молодежь и удовлетворить ее запросы, воспринимавший воздававшиеся ему почести как само собой разумеющиеся. На VII пленуме ЦК ВЛКСМ в ноябре 1938 г., на котором по указанию Сталина Косарев был снят с поста генерального секретаря, член Бюро ЦК комсомола Е. Волкова очень хорошо описала ситуацию, царившую в высшем руководящем органе комсомола: «Обстановка в Бюро ЦК была такая: отсутствовала всякая критика, было слепое преклонение перед авторитетом, стажем, опытом работы Косарева. Если образно выразить — Косарев был на положении бога в союзе, которому слепо доверяли, не допускающая никаких замечаний»⁴⁶. Поэтому вполне понятно, что Косарев считал себя вправе не только публиковать свои многочисленные выступления в печати, но и, повинувшись моде времени, выпускать их в книжной форме. В 1937 г. были изданы две книги Косарева. Книга «Сталинская Конституция и советская молодежь» (тираж 200 тыс. экз.), подписанная в печать с завидной оперативностью через пять дней после ее сдачи в производство, вышла в находившемся под контролем комсомола издательстве «Молодая гвардия» и вызвала недовольство партийного руководства. По поводу этой книги один из помощников члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, курировавшего в тот период «комсомольские дела», Черкасский писал своему шефу: «Работа т. Косарева — “Сталинская Конституция” издана массовым и роскошным изданием, таким, каким не издавался в этом издательстве ни Ленин, ни Сталин. Лестью и подхалимством пахнет от этого издания»⁴⁷.

Восхваления Косарева оставили глубокий след в психологии комсомольцев 1930-х гг. Белорусский комсомолец Михаил Молочко, мечтавший стать журналистом, записал в свой дневник, опубликованный много лет спустя после его гибели в советско-финской войне, что особо глубокое позитивное впечатление произвел на него именно отчетный доклад Косарева на X съезде комсомола⁴⁸. А один из комсомольцев, работавших на стройке первой линии Московского метро, в ответ на вопрос о мотивах, побудивших его вступить добровольцем в одну из стройбригад, прямо ответил, что главным толчком для него послужил пример А. Косарева, который в 15 лет, тоже добровольцем, поехал в Петроград на борьбу с наступавшей армией белогвардейцев. За неимением возможности доказать свою преданность советской власти на фронте войны «настоящей», этот комсомолец решил найти свое место борьбы за торжество коммунизма на «фронте социалистического строительства»⁴⁹. В середине 1938 г. в журнале «Юный коммунист» было опубликовано письмо красноармейцев и их командиров, раненых в боях с японскими войсками на Дальнем Востоке, Косареву, в котором они не только горячо благодарили «родного отца и друга товарища Сталина» за оказанное им доверие и честь бороться с «японской военщиной», но и рапортовали шефу комсомола о том, что они сдержали свое слово прогнать «японских захватчиков» с «нашей земли». Заканчивая письмо, его авторы патетически писали: «Заверяем вас, тов. Косарев, наш славный комсомол, великую большевистскую партию, родного товарища Сталина, что и впредь будем непоколебимо, не щадя жизни, защищать границы нашей матери-родины от всех врагов»⁵⁰. Несмотря на все пертурбации «большого террора», потрясшего комсомол в не меньшей степени, чем коммунистическую партию, авторитет Косарева, судя по всему, оставался настолько высоким, что солдаты и офицеры, члены комсомола, считали возможным в своей торжественной клятве на верность родине называть его имя на первом месте, еще до упоминания имени «родного отца», а комсомольская пресса считала публикацию этой клятвы в такой форме вполне нормальным явлением.

Культ Косарева, наряду с культом «доблестного наркома» Н. И. Ежова, был одним из последних культов личности большевистского руководства, уничтоженного Сталиным в годы террора. Снятие с поста и арест генсека комсомола в конце ноября 1938 г. положили конец не только восхвалениям самого Косарева, но и той особой роли, которую комсомол играл в советской сталинской системе 1930-х гг. Кроме того, терпя в какой-то степени прославления переживших волны террора «соратников» по Политбюро, все еще продолжавшиеся, хотя уже далеко и не в тех масштабах, как до 1937 г., Сталин радикально урезал возможности возникновения новых культов для тех выдвиженцев из номенклатуры, которые заняли места репрессированных. За десять лет, прошедших с празднования пятидесятилетия диктатора в 1929 г., ситуация в Советском Союзе радикально изменилась. В тени культа «великого и мудрого вождя» больше не было места для культов «маленьких Сталиных».

- ¹ Rees E. A. Leader Cults: Varieties, Preconditions and Functions // The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc / ed. by B. Apor, J. C. Behrends. Basingstoke, 2004. P. 3–26.
- ² Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.
- ³ О культе Сталина и его отдельных элементах см.: Personality cults in Stalinism / eds K. Heller, J. Plamper. Göttingen, 2004; Hülbusch N. Im Spiegelkabinett des Diktators: Stalin als Filmheld im sowjetischen Spielfilm (1937–1953). Alfeld, 2001; Löhmann R. Der Stalinmythos. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion (1929–1935). Münster, 1990; Осмыслить культ Сталина: сб. статей. М., 1989.
- ⁴ Rees E. A. Leader Cults. P. 10.
- ⁵ Подробнее о жизни и карьере Косарева см.: Kaiser P. Das Schachbrett der Macht. Handlungsspielräume eines sowjetischen Funktionärs unter Stalin am Beispiel des Generalsekretärs des Komsomol Aleksandr Kosarev (1929–1938). Stuttgart, 2017.
- ⁶ Koenen G. Die großen Gesänge. Lenin, Stalin, Mao Tse-tung. Führerkulte und Heldenmythen des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1991. S. 112.
- ⁷ Подробнее о роли фигуры «маленького Сталина» в политической системе СССР довоенного времени см.: Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin // Soviet Studies. Vol. XXXIII (1981), no. 1. P. 3–28.
- ⁸ Зенькович Н. А. Самые румяные вожди. Энциклопедия комсомольских карьер. М., 2008. С. 328.
- ⁹ Подробнее об этом см.: Кайзер П. Верный помощник партии? — Эволюция комсомола в эпоху первых пятилеток, 1928–1934 гг. // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950 годы. М., 2018. С. 235–243.
- ¹⁰ Кайзер П. «Отвоевать все мировые рекорды!» Роль комсомола и его генерального секретаря А. В. Косарева в становлении и развитии советского спорта в 1930-е гг. // Россия XXI. 2018. № 6. С. 147.
- ¹¹ Речь идет о так называемом изотовском движении, названном в честь одного из зачинателей стахановского движения, шахтера Никиты Изотова, на р. Алдан в Якутии.
- ¹² Комсомольская правда. 1935. 24 марта.
- ¹³ Криворученко В. К., Пеньковский Д. Д. Комсомолу девяносто. В поисках истины его истории. М., 2008. С. 261.
- ¹⁴ Подробнее см.: Солоницын Г. Комсомолец — на самолет! (К 40-летию шепфства комсомола над авиацией) // Военно-исторический журнал. 1971. № 1. С. 89–93; Козликян О. Комсомол — шепф авиации // Позывные истории. Вып. 2. М., 1970. С. 340–352.
- ¹⁵ Каманин Н. Комсомол и авиация // Александр Косарев: сб. воспоминаний. М., 2003. С. 84.
- ¹⁶ Криворученко В. К., Пеньковский Д. Д. Комсомолу девяносто. С. 261.
- ¹⁷ Jakowlew A. Ziel des Lebens (Aufzeichnungen eines Konstrukteurs). Moskau, 1976. S. 102.
- ¹⁸ Апресян З. Послесловие к овациям // Молодой коммунист. 1988. № 11. С. 52–53.
- ¹⁹ 10-й съезд ВЛКСМ: стенографический отчет. Т. 1. М., 1936. С. 85–88.
- ²⁰ Там же. С. 100–101.
- ²¹ Там же. С. 178–179.
- ²² Там же. С. 173. — См. также: Апресян З. Послесловие к овациям. С. 53–54.
- ²³ 10-й съезд ВЛКСМ: стенографический отчет. Т. 2. М., 1936. С. 73–75. — О роли Косарева в развитии советского футбола и его покровительстве Николаю Старостину и клубу «Спартак-Москва» см.: Kaiser P.: 1) Das Lieblingsspiel des Proletariats — Die Entwicklung des sowjetischen Fußballs in den 1930er Jahren // SportZeiten. 2017. Nr. 3. S. 57–78; 2) Der Generalsekretär des Komsomol Aleksandr Kosarev als Förderer des sowjetischen Fußballs // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2018. Berlin. S. 79–92.
- ²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1114. Л. 71, 114.
- ²⁵ См. далеко не полное перечисление соответствующих присвоений имени Л. М. Кагановича: Медведев Р. Окружение Сталина. М., 2006. С. 148.

²⁶ Так, на встрече с участниками первомайского парада 2 мая 1934 г. Сталин произнес тост в честь Ворошилова, назвав его не только «одним из лучших руководителей нашей партии» и «единственным и полновластным руководителем Красной армии», но и «лучшим организатором и вождем наших вооруженных сил» (Застольные речи Сталина: документы и материалы / сост. В. А. Неvejeин. М.; СПб., 2003. С. 51).

²⁷ Иногда эти культы даже затмевали культ самого вождя. Так, историк Г. А. Куманев, вспоминая в беседе с Л. М. Кагановичем свое детство, упомянул гигантский портрет собеседника, бывшего тогда наркомом путей сообщения, висевший в центральном зале местного железнодорожного вокзала и превосходивший по размерам висевший в соседнем помещении портрет Сталина минимум в два раза (Куманев Г. А. Две беседы с Л. М. Кагановичем // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 103).

²⁸ Мильчаков А. «Писать все-таки надо!..» // Реабилитирован посмертно. Т. 2. М., 1988. С. 132.

²⁹ Криворученко В. К., Пеньковский Д. Д. Комсомолу девяносто. С. 244. — Объяснение отсутствия фотографии Косарева на трибуне мавзолея ее плохим качеством являлось, скорее всего, лишь отговоркой. Наверняка Михайлов действовал по указанию сверху, поскольку именно в середине 1937 г. положение Косарева не было таким устойчивым, как в начале этого трагического для представителей партийной элиты года.

³⁰ Комсомольская правда. 1937. 23 февр.

³¹ Криворученко В. К. Внутрисоюзная демократия в ВЛКСМ в 1920–30-х годах: слова и дела // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/> (дата обращения: 10.01.2019).

³² Правда. 1936. 21 апр.

³³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 245, 244.

³⁴ Семенов М. О скромности // Юный коммунист. 1937. № 5. С. 37–38.

³⁵ Комсомольская правда. 1937. 17 марта.

³⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 243–244.

³⁷ Там же. Л. 146.

³⁸ Комсомольская правда. 1937. 14 февр.

³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 243–244.

⁴⁰ Там же. Л. 200; Криворученко В. К. В тисках сталинщины: трагедия комсомола. М., 1991. С. 362.

⁴¹ Подробнее см.: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10–11. С. 10.

⁴² Комсомольская правда. 1937. 14 марта.

⁴³ О том, насколько серьезным делом было для Косарева занимать позицию важнейшего, наряду со Сталиным и партийным ЦК, «благотворителя» комсомольских кадров, см.: Kaiser P. Das Schachbrett der Macht. S. 595–600.

⁴⁴ Правда. 1936. 13 апр.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Цит. по: Криворученко В. К. Внутрисоюзная демократия в ВЛКСМ...

⁴⁷ Криворученко В. К. В тисках сталинщины. С. 103–104.

⁴⁸ Молочко М. Жил-был мальчишка... 2-е изд. Минск, 1976. С. 97.

⁴⁹ Neutatz D. Die Moskauer Metro. Von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935). Köln, 2001. S. 260.

⁵⁰ Овчинников В. Комсомольцы Дальнего Востока // Юный коммунист. 1938. № 9. С. 26.

Статья поступила в редакцию 10 января 2019 г.

Рекомендована в печать 16 мая 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кайзер П. «Гром аплодисментов. Все встают»: специфика культа личности в 1930-е годы на примере генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 3. С. 671–684. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.308>
УДК 94(47).084.6

Аннотация: Рассматривая возникновение и развитие феномена культа личности в СССР в 1930-е гг., историки получают возможность проследить процесс воздействия идеологии на народные массы, а также лучше понять механизмы эволюции политической системы на определенном этапе ее развития. Исходя из этого, автор статьи анализирует генезис культа генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева. На основе разнообразных источников, в том числе архивных материалов, опубликованных документов, мемуарной литературы и материалов прессы, автор пытается определить пути зарождения, укрепления и заката культа Косарева как «энергичного вожака советской молодежи» и «ученика Сталина». Изучаются механизмы, при помощи которых Косарев старался упрочить восхваление своей личности и в то же время контролировать поведение своих подчиненных, с тем чтобы не допустить появления в комсомоле нарративов, конкурирующих с его культом. Культ Александра Косарева достиг апогея в 1936–1937 гг., что еще раз подчеркивает не только возросшее значение комсомола в советском обществе этого периода, но и увеличение роли и веса его генерального секретаря среди партийной номенклатуры. Для многих имя Косарева стало синонимом успехов, достигнутых ВЛКСМ под его руководством в различных областях, среди которых особо стоит выделить авиацию и спорт. Сам Косарев делал все возможное, чтобы укрепить в сознании как комсомольского аппарата, так и простого советского обывателя неразрывную связь своего имени с возглавлявшимся им союзом молодежи. Это привело к тому, что снятие его с поста в конце ноября 1938 г. и последовавший за этим арест не только поставили точку в развитии его культа, но и положили конец той особой роли, которую комсомол играл в советской сталинской системе 1930-х гг. Сталин после окончания большого террора радикально урезал возможности возникновения новых культов для тех выдвинутых из номенклатуры, которые заняли места репрессированных, и в результате культ Косарева так и остался недостижимым для его преемников.

Ключевые слова: Советский Союз, комсомол, А. В. Косарев, культ личности, И. В. Сталин, идеология.
Сведения об авторе: Кайзер П. — PhD, Университет Фрайбурга (Фрайбург, Германия); peter.kaiser@geschichte.uni-freiburg.de

Historisches Seminar, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, Germany, 79085 Freiburg, Rempartstrasse 15, KG IV

FOR CITATION

Kaiser P. “A Tremendous Applause. Everyone Stands up”: the Specificities of the Personality Cults in the 1930s on the Example of the General Secretary of Komsomol A. V. Kosarev’, *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 3, 2019, pp. 671–684.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.308>

Abstract: This article analyses the formation and development of personality cults in the Soviet Union in the 1930s. Taking the idea of the mutual influence between ideology and broad masses as its basis, the author’s objective is a better understanding of the evolution of the Soviet political system in this time, as well as the genesis of the cult of A. V. Kosarev, general secretary of the Communist youth league’s Central Committee. Based on various sources, including archival materials and published documents, press materials, and memoirs, the author examines the formation, enhancement, and decline of the adulation of this head of the Komsomol, praised by his subordinates and colleagues as “Stalin’s pupil” and a “vigorous leader of Soviet youth.” One important topic is the examination of mechanisms Kosarev used to control the development and improvement of his glorification, as well as to restrain efforts by Komsomol subordinates to emulate his example. The cult of Kosarev was one of the last cults of the personality of the Bolshevik leadership, destroyed by Stalin during the Terror. The dismissal and arrest of the Komsomol Secretary General at the end of November 1938 put an end not only to praises of Kosarev himself, but also to the special role of the Komsomol. In the shadow of the cult of the “great and wise leader” there was no longer room for cults of the “little Stalin.”

Keywords: Soviet Union, Komsomol, Kosarev, cult of personality, Stalin, ideology.

Author: Kaiser P. — PhD, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg (Freiburg, Germany); peter.kaiser@geschichte.uni-freiburg.de

Historisches Seminar, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, KG IV, 15, Rempartstrasse, Freiburg, 79085, Germany

References:

- 10th congress of VLKSM: *verbatim record*, vols. 1–2 (Moscow, 1936). (In Russian)
- Apresian Z. 'An afterword to the applause', *Molodoi kommunist*, no. 11, 1988. (In Russian)
- Hülbusch N. *Im Spiegelkabinett des Diktators: Stalin als Filmheld im sowjetischen Spielfilm (1937–1953)* (Alfeld, 2001).
- Jakowlew A. *Ziel des Lebens (Aufzeichnungen eines Konstrukteurs)* (Moscow, 1976).
- Kaiser P. "'To win all world records!' The role of Komsomol and its general secretary A. V. Kosarev in the formation and development of Soviet sport in 1930s", *Rossija XXI*, no. 6, 2018. (In Russian)
- Kaiser P. 'A loyal assistant to the Party? Evolution of the Komsomol in the era of the first five years plans', *Uroki Oktiabria i praktiki sovetskoj sistemy. 1920–1950 gody* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Kaiser P. 'Das Lieblingsspiel des Proletariats — Die Entwicklung des sowjetischen Fußballs in den 1930er Jahren', *SportZeiten*, no. 3, 2017.
- Kaiser P. 'Der Generalsekretär des Komsomol Aleksandr Kosarev als Förderer des sowjetischen Fußballs', *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2018* (Berlin).
- Kaiser P. *Das Schachbrett der Macht. Handlungsspielräume eines sowjetischen Funktionärs unter Stalin am Beispiel des Generalsekretärs des Komsomol Aleksandr Kosarev (1929–1938)* (Stuttgart, 2017).
- Kamanin N. 'Komsomol and aircraft', *Aleksandr Kosarev: Sbornik vospominanii* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Koenen G. *Die großen Gesänge. Lenin, Stalin, Mao Tse-tung. Führerkulte und Heldenmythen des 20. Jahrhunderts* (Frankfurt am Main, 1991).
- Kokhlikian O. 'Komsomol — the patron of the aircraft', *Pozivnye istorii*, Iss. 2 (Moscow, 1970).
- Krivoruchenko V. K. 'Internal democracy in VLKSM in 1920s–30s: words and actions', *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 6, 2008. (In Russian)
- Krivoruchenko V. K. *In the grip of Stalinism: the tragedy of Komsomol* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Krivoruchenko V. K., Penkovskiy D. D. *Komsomol is ninety years old. Searching the truth of its history* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Kumanev G. A. 'Two conversations with L. M. Kaganovich', *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 2, 1999. (In Russian)
- Löhmann R. *Der Stalinmythos. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion (1929–1935)* (Münster, 1990).
- 'Materials of Plenum of TsK VKP(b) in February — March 1937', *Voprosy istorii*, no. 10–11, 1995. (In Russian)
- Medvedev R. *The Stalin's entourage* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Milchakov A. 'Still need to write', *Reabilitirovan posmertno*, vol. 2 (Moscow, 1988). (In Russian)
- Molochko M. *There was a boy*, 2nd ed. (Minsk, 1976). (In Russian)
- Neutatz D. *Die Moskauer Metro. Von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935)* (Köln, 2001).
- Personality cults in Stalinism*, eds K. Heller, J. Plamper (Göttingen, 2004).
- Plamper J. *The Stalin cult: a study in the alchemy of power*, Rus. ed. (Moscow, 2010). (In Russian)
- Rees E. A. 'Leader Cults: Varieties, Preconditions and Functions', *The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc*, Eds B. Apor, J. C. Behrends (Basingstoke, 2004).
- Rigby T. H. 'Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin', *Soviet Studies*, Vol. XXXIII, no. 1, 1981.
- Solonitsyn G. "'Komsomol member — to the plane!' To the 40th anniversary of the patronage of Komsomol over the aircraft', *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 1, 1971. (In Russian)
- Stalin's Drinking speeches: documents and materials*, Comp. by V. A. Nevezhin (Moscow — St. Petersburg, 2003). (In Russian)
- To understand the cult of Stalin: collection of articles* (Moscow, 1989).
- Zenkovich N. A. *The ruddiest leaders. Encyclopedia of the Komsomol careers* (Moscow, 2008). (In Russian)

Received: January 10, 2019

Accepted: May 16, 2019